

Девочка стального магната

Автор:

Елена Гром

Девочка стального магната

Елена Гром

– Ты вогнал моего отца в долги, чтобы уложить меня в постель? – не верящим голосом прокричала я. – У всех свои методы. – Ты слышал когда-нибудь про цветы и извинения? – уже на грани истерики шептала я. Какой же он невозможный, грубый, упертый. – Это неэффективно. – Посмотри на меня! Оторвись от своей работы! Я не стану твоей подстилкой, я не хочу быть твоей любовницей! – твердо кричала я, пытаюсь в который раз спасти свою гордость. Он поднялся из-за своего огромного стола. Стремительно для такого крупного тела прошагал ко мне и навис скалой. – А как насчет того, чтобы стать женой? Содержит нецензурную брань.

Елена Гром

Девочка стального магната

***** Глава 1. Нина Пермякова ***

– Тихо, тихо. Встаньте прямо. Давайте все вместе поприветствуем Бориса Александровича, – лепечет организатор нашего выпускного.

Мы, конечно, резко замолкаем. Наверное, так не ведут себя даже с президентами. Просто в нашем городе Усть-Горном каждый знает, благодаря кому у людей есть работа, еда, а в школах и детских садах качественная мебель и оборудование.

Он легко поднимается по ступеням. Выходит вперед. Огромный, широкоплечий. Кажется, только что вышедший с обложки модного журнала Forbs

Но в нем нет ничего модного или даже стильного.

Суровый, brutальный. Эти слова как нельзя лучше описывали главу Усть-Горного металлургического комбината. Второго в стране. Десятого в мире.

Мой отец один из сталелитейщиков любил говорить, что должность молодому бригадиру досталась обманным путём шесть лет назад. Комбинат нес потери. Молодой, властный, амбициозный Борис этим воспользовался.

И знаете, в это легко поверить. Много ли вы видели глав таких предприятий в двадцать восемь лет? Я только одного. И пусть ему сейчас тридцать четыре. Пусть в его глазах уже мелькают искорки сумасбродной власти и силы, а губы сжаты в суровую линию. Он молод.

Кожа. Темные без седины волосы. Прямой аристократический нос и скулы, словно грубо выбитые из камня. Я почему-то уверена, что ему приходится ежедневно доказывать, что возраст ничто иное как цифра.

Вот и моя только вчера перевалила за восемнадцать. Молодая и наивная, скажите вы. И я, пожалуй, соглашусь. Еще и скажу, что не вижу в этом ничего плохого.

Мое детство было счастливым. Меня окружает родной класс, рядом любимый парень. И сегодня выпускной. Мне не присущ цинизм, и я верю, что любой человек, если захочет, может стать счастливым. Надо только верить.

– Я бы ему дала, – слышится сзади, и я невольно поворачиваю голову. Андрей рядом прыскает со смеху.

– Ты бы любому дала, Лескова.

– Жаль, что тебе никто не дает, Дёмин.

К моим щекам тут же приливает жар. Несложно понять, на что намекает одноклассница. Я так и осталась девственницей. Это было условие отца, который разрешил мне встречаться с Андреем. Отец знал, что я свое слово держу непреклонно.

Пусть даже Андрей красив, при жилье и уже бюджетном месте в одном из престижных вузов Москвы. Пусть внизу живота теплеет, когда он прикасается ко мне. Целует меня. В голове всегда очень серьезный барьер в виде китайской стены из обещания отцу.

Я не могу его нарушить.

И это, конечно, бесит Андрея. Он во вранье родителям не видит ничего плохого.

Один из тех, кто дома ангел, а как только закрываются двери, снимает маски и становится бесом, любящим и выпить, и покурить, и даже машину угнать.

– Зато у меня будет эксклюзивный продукт, а кто-то так и остается дешевкой, – отвечает в свою очередь Андрей, и я невольно расправляю голые плечи. Горжусь собой и его словами обо мне. Он касается обнаженной кожи и ласково улыбается. Красивый как принц.

И я знаю, что он видит. Свою принцессу. Сегодня я постаралась на славу. Голубое платье, украшенное жемчугом и кружевами, радует мужской глаз. Высокая прическа открывает линию тонкой шеи, а в декольте лежит жемчужная капелька – подарок отца на день рождения. Разве нужно еще что-то для счастья?

Лескова так ничего и не ответила, а Андрей гордо вскидывает подбородок и кладет мою руку себе на локоть. Заявляет на меня права.

Я бросаю взгляд на праздничную сцену. Я не знаю почему, но в этот момент толкавший грубую, сдобренную великорусским матерным, речь Распутин резко перевел на меня взгляд.

Меня словно приличной волной в грудь бьет. Такая тяжесть в нем. В его образе. В басистом раскатистом голосе. Как будто гром перед ливнем. И я часто дышу,

чувствуя, как в воздухе пахнуло предгрозовой духотой.

– Я рассчитываю, что многие из вас после обучения вернутся и продолжат развивать наш город.

Слово «рассчитывать» звучит в его устах, как приказ. И я даже киваю. Я ведь так и планировала. Еще одно обещание отцу. Но оно полностью соотносилось с моим желанием.

Я была в Москве. Пару лет назад. Я знала, что там лучшее в стране образование. Лучше Новосибирска, что располагался ближе к нашему богатому захолустью. Но я слишком любила наш город. Озеро с рыбой, горки зимой и тишину по утрам. Редко-редко, когда машина пронесется. И чаще всего с эмблемой комбината.

Да, я вернусь сюда, как только мое образование подойдет к концу. И что-то мне подсказывает, что на посту все так же будет сидеть король Усть-Горного.

Звучат аплодисменты, и Борис Александрович спускается со сцены, даже не улыбнувшись. Говорят, его улыбка столь же редка, как рыба в нашем озере. Она есть. Но рыбаки ее не видят.

Мероприятие начинается, музыка звучит громче, Андрей выводит меня в центр, а магнат в сопровождении охраны и главного финансиста отправился на балкон.

Как король со свитой будет наблюдать за своими подданными, – думаю я невольно.

И, наверное, пышные платья девушек и официальные костюмы парней сильно дополняют это ощущение. Но уже спустя несколько минут я забываю о нем. Обо всем.

Музыка, танцы, легкий алкоголь.

Все это закрутило меня в водоворот веселья. И лица уже казались расплывчатыми, а откровенные поцелуи не такими уж и недопустимыми.

Только вот треск ткани врывается в сознание слишком поздно. Платье, выбранное с таким трудом и любовью, расходится по швам под натиском нетерпеливых, жадных рук Андрея.

Глава 2.

Он голодно пьет мой рот, стискивая тело, шепчет что-то грязное. Порочное. Неправильное. Не уговаривает, а ставит перед фактом. Будет секс. И моё мнение его не интересует. В сознание начали проникать мысли. Зачем? Почему здесь?

Ведь уговор был другой.

Помолвка, одобрение отца и только после этого романтическая ночь в отеле Москвы с видом на ночной город. Я придумала себе сказку. Он обещал мне сказку, а теперь втаптывает ее в грязь. Как тряпку ненужную.

– Андрей, не надо! Хватит! Мне не нравится!

Он не слушает, только мокро вылизывает ухо. Держит мои руки за спиной и рвет зубами ткань тонкого лифа.

Вторая рука сжимает грудь, разносит по телу неприятную, острую боль. И под этими ощущениями, унижением, вся любовь к Андрею рассыпается, как карточный домик, что мы любили собирать вместе.

– Андрей! – уже не сдерживаюсь я в выражениях. – Отвали, скотина!

Не могла я позволить взять меня прямо здесь, судя по запаху, возле туалета. Но от моего крика мало толку. Он как таран. Прет, рвет ткань, насилует губами кожу шеи, а потом груди.

И я уже реву без остановки, понимая, что не смогу ничего сделать, что прямо сейчас меня осквернят. Заберут то чистое, светлое, что в себе хранила. У туалета в клубе.

И пока Андрей терзает мою грудь, прикусывает сосок, рукой забираясь в трусы, я смотрю вперед сквозь звучные рыдания и слезы.

Смотрю в угол стены, возле которой стоит мужчина. Прижался в чисто мужской позе бедром, курил и наблюдал за тем, как меня насилуют.

Это он. Борис Александрович.

«Помогите», – шепчу беззвучно, но из горла вырывается лишь хриплый стон, когда грязные пальцы касаются волосиков между ног, а тело едет вверх по стене. Под напором.

– Ну же, детка, – разочарованно, пьяно мычит Андрей, и меня чуть не выворачивает от запаха, когда он облизывает мне губы. Это, знаете, когдаходишь в комнату с закрытыми окнами, где спит с бодуна отец. – Могла бы постараться для меня, побрить ман*енку.

– Да пошел ты! – вскрикиваю я, отчаянно колочу по его спине, но он только сильнее вдавливают меня в стену, сжимает рукой горло и шипит:

– Надо мной смеется весь город. Так что не рыпайся и дай мне то, что обещала.

Меня затрясло в истерике, я снова взглянула вперед, но магната больше не было. Ушел. Оставил меня в беде. Потому что ему наплевать.

В ногу ткнулись что-то горячее и твердое, и я закричала от отвращения.

Нет, Нет! Не надо. Господи, не так!

– Андрей, я не хочу! – в отчаянье вырываюсь я, надеясь на чудо, но музыка из зала била по мозгам, и меня никто не слышал. Никто!

– Зато я хочу. Заткнись и раздвигай шире ноги, сейчас моя кувалда будет делать тебя женщиной.

Стоило ему развернуть меня спиной к себе, ткнуть заплаканным лицом в шершавую стену, задрать высоко юбки и коснуться отростком ягодицы, как все

закончилось.

Глухой удар ознаменовал мое спасение.

Кто-то помог мне. Я резко оборачиваюсь и тут же издаю писк, когда вижу перед собой волосатую грудь в расстегнутой рубашке. Стоит поднять голову, как я тут же закрываю рот в испуге, настолько глубоко проникает в меня взгляд спасителя. Бориса Александровича.

Ногой я наткнулась на что-то мягкое и бросила взгляд вниз.

Андрей лежал ничком и что-то бормотал. А я тут же постаралась прикрыть разорванной лиф платья и стереть слезы.

Могу только представить, как я сейчас выгляжу.

– Спасибо, – выдавливаю я и поднимаю глаза. И снова задыхаюсь от острого, как нож взгляда. Темного, порочного. Такого же распутного, как его фамилия.

Магнат только мельком смотрит на едва прикрытую грудь и снова возвращается к лицу.

– Я полагаю, для вас веселье закончено? – приподнимает он одну бровь, и я поджимаю губы и шепчу:

– Это точно. Я позвоню отцу.

– Он на смене, не стоит его беспокоить. За той дверью, – кивает он на задний ход. И я повернула голову, чтобы хоть на миг разорвать этот сносящий крышу контакт глаз, – машина. Я вас отвезу.

– Вы?

– Можете оставаться здесь, разумеется. Я... вас ни к чему не принуждаю.

Ой, ли?

– Нет. Нет. Я буду вам признательна за помощь.

– Рассчитываю на это, – протягивает он руку, указывая направление, а мне только и остается, как ковылять в одной туфле в сторону выхода.

Вот и закончилась моя беспечная юность. Было ощущение, что скала за моей спиной гораздо опаснее лежащего без сознания Андрея. И я сама облокотилась на нее, совершенно не зная, к чему это приведет.

Глава 3.

Стоило только выйти из душного помещения, как полуобнаженное тело обдало свежестью и прохладой. Задержалась на низком, деревянном крыльце, чтобы вдохнуть его. Задохнуться сибирским воздухом. Самым сладким, самым чистым.

Сразу слезы высохли, и тело, оскверненное пусть и не до конца, легкостью обволокло. Камень с души как-то резко обвалился и по склону покатился. Стало лучше. Дышать легче.

Но все заканчивается, прохлада превратилась в мороз по коже, когда я заметила на себе взгляд магната. Борис Александрович. Выше меня на голову. Он стоял и просто смотрел в мою сторону, держа дверцу своего джипа открытой.

Еще бы знать, о чем он думает. Неприступная скала. Бесчувственный с виду. Но смотрит так, словно клеймо выжигает.

– Садитесь, Нина.

Со мной никто не разговаривал на вы. Это ж вроде ко взрослым так положено обращаться, а я невзрослая. Девочка я еще. Благодаря ему еще девочка.

Кивнула еле-еле, прошла вперед ковыляя и попыталась забраться в машину. Но как только нога встала на ступень джипа, я тут же чуть не грохнулась вниз.

Ощущение краткого полета принесло в душу веселье. Я хихикнула. Меня минуту назад чуть не изнасиловали, а я хихикаю.

Когда не получилось забраться с третьего раза, ощутила тяжелую помощь в виде руки магната на своей попке. Хихикнула и в этот раз, уже окончательно забираясь в темный салон машины.

Хотела сказать спасибо, но дверь перед носом закрылась, и он прошел обратно к железной двери с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Почему-то он посадил меня на заднее сидение, но вопросов задавать не хотелось.

Обычно я не люблю машины. В одних пахнет бензином, в других землей, а в некоторых смердит из-за сломанного кондиционера.

Но здесь мне неожиданно понравилось. Не пахло ничем. Легкий душок кожаных кресел, не более того.

Я все еще держала платье, прикрывала грудь, хотя понимала, что он-то точно уже все видел. И в силу опыта, и в силу ситуации.

Он все еще не садился в машину, а стоял и курил.

А я только смотрела на профиль через затемненное стекло. Прямой нос, чуть сведенные брови, выдающие работу мысли. И я бы очень многое отдала за возможность заглянуть в голову такого человека.

Почему он не остановил Андрея сразу? Почему ждал критической точки, чтобы прийти мне на помощь. Он что-то потребует за свою услугу телохранителя? Почему-то на этой мысли внутри возникло щемящее чувство тепла снизу живота, но я проигнорировала его, продолжая пялиться на своего рыцаря.

А могу ли я все это у него спросить? Он ответит?

**** Наши герои, как вижу их я ****

Глава 4.

В этот момент ход моих мыслей нарушили пара охранников в черных футболках, кажется еле натянутых на перекаченные тела.

Они вышли из задней двери клуба. Подошли к Борису Александровичу и что-то ему докладывали. По-другому и не принять их чуть сгорбленные спины и взгляд, бегающий куда угодно, только не по лицу магната.

А я, чтобы не быть пойманной за подслушиванием – все-таки приглушенные басы голосов просачивались сквозь закрытые двери – посмотрела вверх.

Туда, где под темным звездным небом сверкала огнями крыша нашего городского клуба «Сибирь».

Это было самое известное заведение в городе. Ресторан. Ночной клуб. Бильярд. По будням здесь появлялись разодетые семейные пары, работники банков, учителя. Играла живая музыка, и казалось порой, что попала в семидесятые годы, все настолько чинно и прилично. Белые скатерти на круглых столах. Хрустальные бокалы. Официанты, одетые не хуже посетителей. Даже метрдотель.

В выходные ресторанный зал закрывался на засов. Клуб заполняла молодежь, и, так называемые, криминальные лица нашего региона. Меня не пускали в такие дни в клуб, да и у самой желания не было. Но зато Женька, моя подружка и сестра Андрея, часто в красках описывала происходящее там. Она рассказывала все. Кто с кем подрался. Кого зажали в углу. Кто принес в этот раз наркотики. Она не утаивала ничего, даже собственных походов и случайных связей. Но стоило мне завести разговор о поведении Андрея, та тут же немела и теряла память, не хуже рыбки Дори из популярного диснеевского мультфильма.

Это, конечно, и должно было навести меня на мысли об отрицательном характере моего светловолосого принца. Но я не хотела замечать очевидного, ведь когда счастлив, не смотришь на время. Не задаешь вопросов.

Почему же все-таки я пошла с ним в этот угол? Почему до сих пор так кружится голова.

Зачем я перелезла на переднее сидение и оголила грудь, стоило Магнату сесть в машину? Счастливые не задают вопросов, вот и я не буду.

Борис Александрович завел двигатель и перевел взгляд на меня.

В этот момент он перестал казаться мне грозным. Есть в нем что-то такое. Такое притягательное.

Все-таки власть украшает человека. Белоснежная рубашка, темные брюки на крепко взбитых бедрах, натянутые, когда он сидит за рулем. И пальцы эти. С коротко стриженными ногтями, но очень крупные.

Андрей был сильным, бесспорно. Спортсмен, атлет.

Но что, если бы меня захотел взять у той стены сам Борис Александрович?

Прижал бы всей своей тушей.

Смотрел бы вот так же и методично сдирал с меня остатки одежды.

И имя ему под стать.

– Бори-ис Александрович.... Вы меня спасли. Вы мне нравитесь. Бори-ис. Мне так хорошо, – лепетала я.

– Я вижу, – только и сказал он, продолжая обжигать мою грудь искорками в глазах. Они, как те самые искры жидкого металла на его комбинате, опаляли мне кожу, оставляли следы. И тело бы его оставило следы. Снаружи. Внутри.

Он кажется мне огромным. Как бык, со своей большой шеей и безразмерным разворотом плеч.

Он и сам, как бык, идет напролом по жизни. Никого не жалеет.

Долго бы я сопротивлялась, захоти он взять меня сейчас силой?

Главный вопрос, сопротивлялась бы я? Этот его запах.

Подсела ближе, втянула носом. Коньяк, сигары и нотка древесно-цитрусового одеколona.

Поразительно, но этот аромат так щекочет ноздри, что хочется улыбаться. И отблагодарить его за спасение.

И я подсела еще ближе, пока его взгляд путешествовал от одной груди к другой, иногда поднимаясь к губам. При этом при всем его руки были все еще на руле. Крепко сжаты. Так, что белели костяшки пальцев.

– Как я могу вас отблагодарить? – смело коснулась я рукой твердой линии лица, побрела кончиками пальцев вниз. Смело или глупо? Коснулась воротника рубашки и шелковых волосиков под ней. А сама грудь, как сталь. Ни капли нежности. И во взгляде. И в нем самом.

Он так и не ответил, но и руки мои не отвел, что приближались к ремню на брюках.

Андрей часто просил меня сделать ему минет, но я всегда отказывала. А хотелось бы Борису Александровичу, чтобы я сделала ему это? Чтобы взяла в руку его плоть. Погладила. Сжала. Стало дико интересно, какого она размера. Столь же огромная, как и он сам, или наоборот?

Запястье обожгло касанием, когда он отдернул меня от своего ремня. Вперился внимательным взглядом и пробасил:

– Вы девственница?

Глава 5.

Какой глупый вопрос. Разумеется. Все это знают. Второй рукой пробираюсь к предмету своего любопытства. Твердого под мягкой тканью брюк. Горячего такого.

Борис Александрович резко толкает меня к дверце сидения. Отпускает руку, но тут же жестко сжимает пальцами соски. Крутит.

– Ай, – ошеломлено восклицаю, но тут же хохочу. Ну я же говорю: ни капли нежности. Просто животное.

– Нина, вы девственница!? – снова спрашивает он и как будто собирается оторвать твердые камушки сосков.

– Да! Да! Конечно, да! – закричала ему в безэмоциональную маску лица и тут же выдохнула, когда он отпустил меня. Облегчение от боли тут же приносит новую порцию веселья. Но рассмеяться я не успеваю. Машина резко дернулась с места, и меня откинуло назад.

Рев мотора заглушил мой истерический смех, пока мы мчались по новенькой, сделанной только два года назад, дороге. И если в остальной части России дороги одноразовые, то у нас в городе все стало делаться на века. Распоряжение генерального директора металлургического комбината. Того самого, что вжимает педаль в пол. Того самого, что своим запахом душит во мне нормы морали и воспитания. Где-то точно должно быть написано: не нюхать чужого мужчину, не лезть к нему в рубашку и не гладить волосатую грудь.

Машина резко вильнула вправо и меня в очередной раз подкинуло на ухабе.

Мне стало так хорошо, еще никогда я не ехала с такой скоростью. Еще никогда внутри меня не зажигалось такое пламя. Мне хотелось улыбаться, кричать, танцевать. Любить.

А Андрей не любил меня. Ему было дороже не наше соглашение, а мнение таких, как Лескова. Он втоптал в грязь наши чувства. Он уничтожил мою веру в него. Он уничтожил отношения.

Ком в груди рос с поразительной скоростью. Я начала задыхаться, так сдавило невидимой нитью мне горло. Она врезалась в кожу. Причиняла боль. Одна слеза скатилась и затерялась внизу, вторая коснулась иссушенных смехом губ. А дальше начался нескончаемый водопад слез. Реву на разрыв в машине начальника отца и задыхаюсь.

Андрей был для меня принцем, а стал никем.

– Да ебана в рот, – слышу где-то сбоку рык, и машину снова подкидывает на ухабе.

Пока захлебываюсь слезами, даже не замечаю, как машина затормозила. Сквозь пелену слез не могу разглядеть, где мы находимся.

И я хочу спросить дома ли мы уже, как вдруг дверца справа открывается, и меня обволакивает прохладной горного воздуха.

Резкий захват дрожащего от горя запястья и меня буквально стали выволакивать на улицу.

Мне становится страшно, и я пытаюсь воспротивиться. В салоне хорошо. Безопасность. А здесь что?

Холодно и темно. И шум деревьев над головой.

Я закричала от ужаса. Я поняла! Меня хотят убить! Я сейчас умру. Тело уже подняли в воздух и несут, судя по бликам, утопить в озере.

И вот меня уже погружают голой в обжигающе холодную воду. Я тут же захлебываюсь и задыхаюсь.

В голове проясняется очень быстро. Изображения вечера мелькают кинолентой.

Речь магната, танцы, алкоголь. Андрей буквально всовывал мне в руки коктейль за коктейлем, затем снова этот магнат Борис Александрович. Я в его машине. А сейчас его сильные руки пихают меня в воду.

Глава 6.

Зачем?

Мозаика из событий и поступков быстро складывается в единую картинку. Андрей что-то мне дал. Что-то запрещенное. Что-то, что отменил даже барьер из обещания отцу и собственных принципов.

Кошмар!

Борис Александрович продолжает полоскать меня, как белье. То загружает под воду, то дает возможность глотнуть воздуха. Июньского. В такое время никто не купается, и ледяная волна быстро приводит меня в чувство.

– Хватит! Перестаньте! – наконец кричу я, когда появляется очередная возможность. И все сразу прекращается. В ту же секунду. Вот меня за шею и плечо держали сильные грубые руки. Вот их уже нет. Я стою одна посередине озера. И пока вода успокаивалась, я тоже приходила в себя. И замерзала. Ноги по колено нещадно жгло. Тысячи игл впивались в кожу, как и в глаза, которые снова наполнились слезами.

Еще никогда никто так со мной не обращался. Еще никогда за всю свою жизнь я не подвергалась подобным унижениям.

Я повернулась посмотреть на возвышающиеся над озером горы и Луну полную, чистую, смеющуюся над моим горем. И только вздохнув полной грудью, впитав в себя всю прелесть ночной тиши, решила повернуться в сторону берега. И тут же задыхаюсь снова.

Он стоит возле машины, абсолютно голый и тело в холодной воде обдает огненной, горячей лавой.

До берега всего несколько шагов и огромный джип чероки черный зверь на фоне леса. А рядом магнат. И то, что, судя по всему, является половым органом между ног. Я закрываю рот, отворачиваюсь и сглатываю. Ну, да. Судя по виду, оно такое же огромное.

Краем глаза вижу, как он уже заканчивает одеваться в сухое.

– Выходите, Нина.

Короткие приказы. Интересно, а он может сложить предложение с более чем пятью словами?

Иди уже, Нина. На сегодня ты показала себя достаточной дурой. Да, иду. Медленно, стараясь не смотреть, как за белоснежной рубашкой скрывается покатая грудь со стрелой волос, спускающейся по животу. Плоскому, мускулистому.

Борис Александрович поднял взгляд, натянул черную футболку и достал из машины что-то большое. Бросил на капот, а сам сел в машину.

Не знаю почему, но без него, напротив, выходить стало легче. Я выбралась на берег, взяла с капота теплое покрывало и полностью в него завернулась.

Стала дергать ручку передней двери, но она оказалась закрытой. Борис Александрович бросает не меня взгляд и кивает назад.

Я хотела вперед.

Я хотела поговорить. Понять. Хоть что-то из сегодняшнего вечера.

Но когда села назад, у меня не было даже возможности взглянуть ему в лицо. Оставалось только смотреть, как за окном полосой пролетают деревья и дома. Как тучи танцуют по небу, предвещая о скорой смене погоды. Как деревья касаются звездного неба.

Наверное, так можно ехать всю жизнь. Такое вот перепутье. Между тем, кем я была раньше. И кто я теперь.

Но не задать вопрос, мучавший меня, я не могла. Судя по всему, мой рыцарь начинать разговор не собирался.

– Вы всегда помогаете девушкам в беде? – спрашиваю я перед тем, как выйти из машины, и в зеркале заднего вида чуть появляются его глаза, под чуть сведенными бровями. В душу дрелью высверливаются.

Глава 7.

– У любого доброго поступка есть обратная сторона, запомните это, Нина, – изрекает он, и я открываю рот, чтобы спросить, но оказываюсь перебита жестким:

– Выходите, мне надо ехать.

Вот и все.

Я выбралась из машины, что тут же газанула и оставила надо мной облако полупрозрачной пыли. Дома никого не было. Отец на смене. Мать трудится на железных дорогах кондуктором. Старшая сестра учится в Лондоне.

Она у меня гений и красавица. Сама выучила английский. Потом арабский, а в Лондоне еще французский изучает.

С самого детства я слышала слова, что весь ум и красота ушли в первую дочь, а я так... В довесок.

Нет, нет, не думайте, я не обижаюсь. Меня не обделяли вниманием. Скорее даже уделяли больше. Как будто я вечно чем-то болею.

Включив горячий душ, я попала под тугие струи и смогла наконец дать волю слезам. Плакала обо всем. О разодранном платье. О потерянной любви. О том, что родителей нет на месте, и пожаловаться некому. А магнат. Он такой, что даже подумать страшно. Что-то же он обо мне напридумывал?

Я же почти взяла у него в рот.

Никогда раньше об этом не думала. Скорее, вообще игнорировала данный вид отношений между мужчиной и женщиной. Но в тот момент мне казалось это настолько правильным и естественным, что голова до сих пор идет кругом.

Это все, конечно, наркотики. Что-то, что вызывает подобные, свободные мысли и желания.

Неправильные. Порочные. Грязные. Тогда почему же внутри живота снова зреет это ощущение тянущей боли, и почему и без того влажные складки кажутся мокрыми.

Я протянула руку вниз, и тут же одернула.

Нет. Так нельзя. А грудь. Соски до сих пор ноют после его крупных пальцев. Таких жестких и строгих одновременно. Сейчас я понимала. Это наказание. Не будь я девственницей, он бы взял меня прямо там. Насадил на кол и окончательно заставил бы потерять разум.

Раньше я даже не трогала себя никогда, только вот сейчас захотелось. Понять, что же хотело в тот момент мое тело. На что оно способно? Кроме того, как быть облеванным тем, кого я любила.

Мысли о самоудовлетворении напрочь выжигают воспоминание об Андрее. Как он мог? Накачать меня и пытаться взять силой!

Как он мог так поступить с моими чувствами? Как, как...

Так и повторяю себе это, пока ложусь спать. Пока думаю, а волнует ли Бориса Александровича мнение окружающих. А стал бы он брать женщину силой?

А во сне я снова у той стены. Снова отбиваюсь от насильника, снова кричу. Особенно, когда он дергает мои волосы, задирает мою голову и жадно касается шеи губами. И я сквозь страх и слезы слышу душок запаха настоящей кожи в автомобиле и цитрусовые нотки.

И уже вместо того, чтобы оттолкнуть, обнимаю широкие плечи. Пробегаю пальчиками по воротнику почему-то влажной рубашки и снимаю ее с него. Хочу ощутить его таким вот. Обнаженным. Первобытным. Настоящим зверьем. Хочу попробовать на вкус его поцелуй. Хочу, хочу...

Он отрывается от моей шеи, смотрит в глаза, и я кричу от страха, потому что его глаза остекленелые. Мертвые. Пустые.

И тело его красивое все в крови. И он падает, а я не успеваю отцепиться. Падаю за ним, прижатая к груди в пропасть. Туда, выхода откуда не находил никто.

На утро открываю глаза резко, когда слышу настойчивый звонок в дверь.

На пороге комнаты появляется заспанная мама, коротко машет мне рукой.

– Опять отец ключи забыл? Да иду, я иду! – кричит она, а меня после сна холод мертвенный не отпускает. Поднимаюсь с постели и вспоминаю, что отец точно взял ключи. Я сама положила ему их в карман.

– Мама! – хочу выйти из комнаты, но что-то твердое толкает меня назад.хлопаю глазами, ничего не понимая.

– Поаккуратнее, – слышу голос начальника городского отделения милиции, по совместительству лучшего друга отца. – Это тебе не шлюха привокзальная. Привет, Нинуль.

Он виновато снимает кепку, вытирает пот со лба, пока толкнувший меня офицер держит меня на мушке Калашникова.

Пот стекает по спине, и я перевожу взгляд левее, на кровать сажусь.

– Дядя Яша, что случилось-то?

– Да опусти ты уже его, – дергает ствол вниз дядя Яша. Ну или Железнов Яков Витальевич. – Нин. Ты это... Когда Андрюху последний раз видела.

По голове словно булавой бьет. Болеть начинает нещадно. А что сказать? Что изнасиловать пытался? А что потом? Вряд ли Борису Александровичу нужна огласка.

– А что случилось? – в свою очередь спрашиваю я, и сотрясаюсь всем телом. Душа вместе с потом стекла вниз и уже обосновалась в пятках.

– Ты вопросом на вопрос не отвечай! – рывкает офицер, но Яков Витальевич его осаживает.

– Рот закрой. Говорить будешь, когда я разрешу. И вообще! Выйди! – офицер молодой, мне незнакомый, нехотя выходит, бросая на меня неприязненный взгляд. – Нина, Андрея когда последний раз видела?

– Ну так на выпускном, – пытаюсь сохранять спокойствие, а внутри все кипит от возмущения и обиды. – Дядя Яша, нормально объясни все.

– Вот именно, – врывается моя, уже во всеоружии, мама. Она у меня очень боевая. Строгая. С вечно стянутыми в узел темными волосами, напоминает учительницу. За своих детей, как волчица, будет биться. – Пришли они значит, дом разворотили.

И правда, в комнату заходят парни в форме и начинают натуральным образом рыться в моих вещах.

Отбираю у одного из них белье. У другого порванное платье.

Мама тут же хмурится, смотря мне на руки, поднимает взгляд. Я только мотаю головой, мол потом. Если это потом состоится, конечно.

– Да что ищите-то? – не выдерживая внутреннего напряжения, кричу я. Мама вторит.

– Да совесть они свою потеряли! Яшка – какашка!

– Марина, я на службе!

– Сейчас Николай со смены вернется, такую службу тебе устроит. Ты к заупокойной готовиться начнешь. Свалите из нашей хаты!

– Да не могу я! – орет в ответ дядя Яша и бумажку какую-то достает. А мы с мамой переглядываемся и сглатываем в унисон. Какой-то пиздец, дамы и господа. – Ордер у меня. На арест Нины.

Глава 8.

– За что? – почти пискнула я, пытаюсь собраться с мыслями. – При чем тогда тут вопросы об Андрее?

– Нина, – в несвойственной ему манере пробубнил дядя Яша. Судя по тому, как быстро он вертел форменную кепку в своих руках, очень волновался. – Андрея, нашли мертвым возле клуба.

Воздух, кажется, с ноги выбивают из груди. Меня начинает откровенно трясти. От страха. От непонимания. От ужаса. Слезы контролировать даже не удастся, и они сплошным потоком стекают по лицу.

Умер. Андрей умер. Мой принц, растоптавший сердце одним единственным поступком, умер. Как? Почему? Ответов на эти вопросы у меня не было. Зато была боль. Тупая. Затмевающая сознание. Сужающая пространство до ошеломленного взгляда матери.

– Она тут при чем?! Она ночевала дома! – тут же закричала она панически. И я понимала ее состояние. Только вот мне было хуже вдвойне.

– Ее последней видели с ним, – бурчит дядя Яша. – Отец Андрея...

– Ну конечно! – тут же хлопает по лбу себя мама. – Генеральный прокурор города тут же решил, что эта сделала недостойная его сыночка Нина. Она никуда не поедет.

– Придется. Мы обязаны провести дознание.

– Мне плевать!

– Мама, – резко отрезаю я словом и поднимаю глаза, шмыгаю. – Это недоразумение. Все обязательно решится. Я поеду и все расскажу. Только...

Смотрю на офицеров и меня пробирает холод. Не хочу ехать в их машине, чтобы весь город думал, что я преступница.

– Можно я поеду на такси?

Мне разрешают. Вот что делают связи в милиции.

А пока я слушаю негромкие причитания матери о нестабильной системе правосудия, мои мысли бродят о вчерашнем вечере.

И конкретно о Борисе Александровиче. Он был со мной. Он точно этого не делал. Но согласится ли он подтвердить мое алиби. И должна ли я вообще говорить о том, что он мне помог.

От работы отца на комбинате зависит будущее сестры. Ее образование. Ипотека на строящийся дом. Мечта матери.

А если магнат примет это как оскорбление? Он мне помог, а я втянула его в такую передрагу. Кто я для него? Никто.

Выходя и белой пахнувшей бензином лады, мы с мамой несколько минут смотрели на вход в городское отделение милиции. Держались за руку. Что бы кто не говорил о старшей красавице сестре, родительскую любовь к себе я чувствовала безграничную. И даже стоя на пороге неизвестности, у меня была поддержка. Только вот поможет ли она мне здесь.

Новенькое крыльцо сияло чистотой и блестело новеньким ремонтом. Все прекрасно знали, кто постарался для органов власти.

Области было наплевать на наш город. А Распутин сделал его не просто пригодным для жизни, он сделал его таким, что в нем появлялось желание остаться.

Спокойный размеренный ритм, чистые улицы, благоустроенные дворы. Если бы Борис Александрович решил баллотироваться в мэры, остальным он не оставил бы ни единого шанса. Но царствовать он предпочитал на комбинате.

В светлом кабинете начальника отделения мне приходится высидеть несколько часов. Сначала допрос. Я не стала говорить о магнате. Зато в подробностях рассказала, как меня опоил Андрей и попытался изнасиловать. Это-то и стало

моей ошибкой.

– Значит он тебе угрожал, и ты его убила?! Моего мальчика, – прокурор присоединился час спустя и теперь давил не только всем своим весом за центнер, но и положением, что занимал. Под его началом посажено немало преступников. Дело свое он знает.

Глава 9.

– Нет, Антон Михайлович, – стараясь казаться спокойной, покачала я головой. Но руки меня выдавали, и я сжала их бедрами, одетыми в джинсы. Первое, что попало мне дома под руку.

Маму в кабинет не пустили, и я, считайте, осталась одна.

– Нет. Я его не убивала. Я оттолкнула его и поехала домой.

– Не надо увиливать, девочка. Ты дрянь...

– Антон, – осаждает его дядя Яша и тот вскакивает со стула.

– Какая-то шлюшка из гетто сначала за нос водила моего мальчика, а теперь убила его. А ты ее защищаешь?!

– Да. Потому что, во-первых, тело нашли возле клуба. Ты посмотри на нее! Мелочь. Я вообще удивляюсь, как она справилась с твоим Андрюхой, – не менее громко голосил дядя Яша. А я осталась в стороне, только переводила взгляд с одного на другого, когда они перекидывались информацией. По версии прокурора у меня были сообщники, а я прожжённая наркоманка. В этот момент мне почему-то показалось, что прокурор знал про не слишком законные увлечения сыночка.

И в душе стала образовываться еще большая дыра. Он такой же, как Андрей. Его заботит не жизнь сына, а чтобы никто не узнал, что тот принимал тяжелые вещества. Мнение общества дороже всего. Авторитет подорвется, а, возможно, и должности лишат. А свалить все на дочку сталелитейщика проще простого.

До слез стало обидно, что за мной никого не стоит. Что я ничего не могу сделать, если прокурор разыграет лучшую подачу и забьет гол начальнику отделения.

Или могу?

Перевожу взгляд на сине-белые как стены жалюзи, что колышет ветерок из окна. Они стучат друг о друга, в такт моему сердцу. Медленно. Неторопливо. Почему же я так спокойна? Отходняк после наркотиков или информация, которой так легко утереть нос чиновнику?

Кидаю взгляд на телефон с трубкой. Всего один звонок и моя судьба решится. Вопрос лишь в том, в какую сторону. А если магнат вообще станет отрицать наше невольное знакомство?

Гипнотизирую телефон еще пару мгновений, как вдруг вздрагиваю, когда он начинает пиликать.

Такой мерзкий, раздражающий ушные перепонки, звук. Но борьбу авторитетов он тут же прерывает. Дядя Яша берет трубку и, кажется, его челюсть готова обвалиться.

– Да, секундочку, Борис Александрович.

Меня прошибает током, а губы дрожат в преддверии улыбки. Это просто... Вау. Если, конечно, магнат сейчас не скажет, что я не только наркоманка, но и наркодилер. Еще я к нему приставала.

Пока дядя передает трубку Антону, смотрит на меня. Недоумевает.

– Да, Борис Александрович, – дрожащий голос его явно говорит о страхе. Впрочем, мои коленки тоже дрожат, а ягодички уже давно покрылись инеем. В трубке раздается несколько отрывистых, как звук тромбона, приказов. – Но, Борис... Понял, Борис Александрович. До сви...

Сказать больше он не успевает. Трубку отнимает от уха и переводит злой взгляд на меня.

– Я знаю, что причина смерти Андрея в тебе и докопаюсь до истины. Кто бы за вами с папашей не стоял, – с тихой ненавистью вещает он. В два движения разрывает ордер на мой арест и свое заявление.

И я вроде должна успокоиться. Улыбаться. Но меня колотит от назойливой мысли. Что же за человек этот Распутин, если позволяет себе так разговаривать с прокурором. Что это за человек, который одним звонком решил мою судьбу. А самое главное, какую плату он за это потребует.

Глава 9. 1

Новость о таком скором освобождении радует и пугает одновременно. В легкой прострации выхожу из кабинета главы отделения. Тут же попадаю в объятия матери.

Мельком осматриваю новые стенные панели в коридоре и косо поглядывающих на нас офицеров.

– Ну что там? – шепчет мне в волосы мама, поглаживая голову. С ней всегда спокойно, хорошо. Мне кажется, она именно тот маяк, на который я ориентируюсь даже в шторм. – Утерла нос прокуроришке? Не зря отец не хотел, чтобы ты с Андреем встречалась.

Да, этого много, кто не хотел. Мой отец. Его отец. Но в итоге смирились, не без условий.

Поначалу даже я не хотела, кстати. Он казался мне настырным, наглым папенькиным сынком, но позже проявил такое терпение и понимание, что я невольно прониклась к нему.

Андрей даже предложил просто дружить, но позже увлек меня на романтическую дорожку. Прогулки, поцелуи, ромашки с ближайшего поля. На розы у меня аллергия.

Дорожка была прекрасной. Только вот она быстро заросла колючей, вьющейся розой. И теперь стоя в отделении милиции, мои раны продолжают кровоточить.

А самое главное, как посмотреть в глаза лучшей подруге, если ее отец считает меня виновной в смерти Андрея?

– Нет, мам. Я ни при чем. Они сами во всем разобрались, – спешу я разубедить её в собственной уникальности.

Мама облегченно вздыхает, вытирает заплаканное лицо и со словами «пойдем из этой богадельни» спешит вывести меня на улицу.

Именно там меня настигает ураган из копны рыжих волос и мокрого от слез лица.

– Тебя выпустили! Господи, я так боялась. Уже хотела угрожать отцу расправой, – хнычет она и еще крепче стискивает меня прокаченными гимнастикой руками.

– Над чем? – смеюсь я от счастья, что подруга ни в чем меня не винит. Но тут же себя одёргиваю. Все-таки Андрей умер.

И почему я к этому так легко отношусь? Из-за жажды мести или радости освобождения?

– Над его коллекционной машиной. Он любит ее больше своих детей, можешь мне поверить, – закатывает она свои ярко-голубые как у Андрея глаза. Если бы не разного цвета и длины волосы их было бы не отличить.

О том, что родителям всегда было наплевать на брата и сестру, Женя говорила. И не раз. С десяти лет они были фактически предоставлены сами себе. И я этого, если честно, не понимаю. А зачем тогда заводить ребенка, если отдаешь его на воспитание куче нянь и гувернанток?

И только сегодня, посмотрев на прокурора с другой стороны, я поняла, что даже рождение детей часто является некой данью обществу. Возможностью показать всем и каждому, какие они правильные. Бла-го-прис-той-ные.

Но как известно, все имеет свои последствия. Женя пошла по рукам. Вот не просто заводила разносторонние связи, а искала любви и утешения у каждого,

кто предложит.

А Андрей пошел по дорожке запрещенных веществ. Хочется верить, что отец с матерью действительно переживают его смерть. Надеюсь, больше, чем я.

Обратно мы едем на машине Жени. Красном мерседесе с откидным верхом. В городе мало иномарок. Ведь, чтобы их чинить, нужно ехать в Новосибирск, а у нас только несколько автомастерских и все они работают исключительно с российским автопромом. В одной из них работает Колька Березкин, один из постоянных ебарей Жени.

Она сама придумала им такое слово. Скорее всего постоянным он был из-за жены. Ведь никаких претензий на постоянные отношения предъявить не мог. Но это так говорила сама Женя. А мне кажется, что из всех своих мужчин только его она любила.

Такого же рыжего как она, с вечно грязными руками и, надо признаться, очень неплохой фигурой.

Почему-то пока Женя рассказывала по дороге нам с матерью, как их с Колькой чуть не застукала его жена, я думала о фигуре.

Но не о Колькиной. А о Борисе Александровиче.

Воспоминание о нем, фактически голом, врезались в память, как врезается свая в фундамент при постройке дома. Раз и навсегда. Мощная, вся в буграх и шрамах. А о величине лишь на мгновение мелькнувшей плоти не хочется и думать. А если и думать, то только с полыхающими от стыда щеками. А ведь я думала, что у Андрея большой член. Идиотка.

Глава 10.

– Нина, ты в порядке? – моя чуткая мама всегда замечает малейшие изменения настроений своих дочерей. Это может плохо кончиться.

– Все нормально. Думаю вот... Об Андрее.

Почти не соврала.

Мама фыркает. Но молчит. О мертвых плохо не говорят.

Отец вечером тоже не особенно разглагольствовал. Поорал чуток на российское беззаконие в лице собаки прокурора и его хозяина Распутина, выпил водки, крепко меня обнял и ушел спокойно спать.

Работа сталелитейщика очень тяжелая и мы никогда не беспокоили отца по пустякам. Знаем, как ему приходится.

И я уже лежу в кровати, уже готова отправиться в долгое плавание по царству Морфея, но слова отца все не выходят из головы. Про собаку и хозяина. И ведь правда.

Стоило позвонить магнату. Стоило только сказать слово. Прокурор тут же поджал хвост, гавкнул последний раз и бросился бежать.

Может быть поэтому мне снилось, как я сама стала собачкой, а хозяин поглаживал меня за вислым ушком, и я люто кайфовала, высунув язык и виляя хвостиком коккер спаниеля.

На утро лицо хозяина уже не помню, но смутно уверена, что это был Борис Александрович. Больно голос у него был стальной и бархатный одновременно. Если такое возможно. Обернуть стальной шарик бархатом и ударить по мозгам. Именно такой эффект вызывал в ту ночь во мне его голос.

И теперь я, стоя напротив огромного, раскинувшегося на сто гектар земли, металлургического комбината Усть-Горска, думаю, а получится ли испытать это вновь.

Именно здесь восседает негласный король нашего города. И враг налоговой службы, так говорит отец. Именно он провел меня через пост охраны, уровнем безопасности сравнимый разве что с разведывательной службой.

– Уверена? – спрашивает отец, и вижу, что он волнуется больше меня. Я рассказала ему. Кое-что без подробностей. И он поддержал моё решение пойти к

Борису Александровичу с благодарностью. Но если честно, мне кажется, или я точно уверена, что отец не понимает, что взамен может попросить этот странный человек. Зачем вообще он спасает меня раз за разом? И спасет ли снова?

– Даже если нет, это нужно сделать. Обратное невежливо.

– Все-равно он мне не нравится, – бурчит отец и машет кому-то из рабочих. – Пойду я. Ты только это... осторожнее. Кто знает, что на уме у этих богачей.

Начальники и не могут нравиться, – мелькает у меня мысль, но я топлю ее в другой, более существенной. А с чего начать разговор с магнатом? А самое главное, достаточно ли опрятно я оделась для его офиса? А еще более глубокая дума, сильно спрятанная за стыдом и совестью, прикоснется ли он ко мне снова, как тогда. Жестко и прекрасно. Пальцами. К соскам.

Глава 11.

Контраст того, что внутри и того, что снаружи ошеломляет. Это как разбить яйцо. Просто куриное яйцо бежевого цвета первой категории и обнаружить внутри не желток с белком, а золотой шарик с жидким серебром. Натяжные потолки. Паркетный пол. Огромные панорамные окна с видом на весь комбинат, слаженная работа которого порой поражает. Стены с дорожкой покраской светлого оттенка и гравюры с изображением самых опасных моментов производства. Вот на одной из них льют металл, на другой что-то переплавляют. Офис на несколько этажей так и пышет современностью, как мне кажется, так называемым уровнем столицы. При этом работает здесь всего несколько людей и, конечно, сам Борис Александрович Распутин.

Я поднимаюсь по мраморной лестнице на пятый этаж и натыкаюсь на опущенную темную голову за полукруглым столом, рядом с резной двустворчатой дверью. Секретарь-женщина что-то вычитывает в документе.

Судя по размеру, офис главного занимает три четверти этажа административного комплекса. Это примерно две наши двухкомнатные квартиры по пятьдесят квадратных метров.

Стук моих каблуков отдается эхом, и я чувствую себя еще меньше, еще менее значимо. Молотом наковальни в голове стучит вопрос: «А что ты здесь делаешь?».

За ним буквально толкается следующий: «Думаешь, такие люди нуждаются в благодарности?».

А за вопросами тяжелая мысль. А может быть ты перед отъездом в Москву хочешь еще раз на него взглянуть? Потому что не знаешь, когда еще представится такая возможность.

Придумала себе рыцаря в сияющих свежим металлом доспехах и жаждешь.... Вот только чего, с трудом понимаешь сама. Не разочароваться. Узнать после поступка Андрея, что настоящие мужчины еще не перевелись на Руси?

Смешная.

Темная голова за полукруглым столом замирает и поднимается. На меня проливается как искры металла оценивающий взгляд. И я словно оказываюсь на той стороне. Так же недоумеваю. Простое платье серого цвета до колен. Косичка. Простое не тронутое косметикой лицо. Даже ботинки и те, не подходят под ту роскошь, которой пышут здесь даже дверные ручки.

– Здравствуйте, – первая вступаю в бой с этой немолодой, нестарой, но жуть какой ухоженной особой. Я не видела ее в городе. Может быть это жена Бориса Александровича и она видит во мне соперницу?

Очнись, Пермякова, какая из тебя соперница.

– Я дочь Леонида Георгиевича Пермякова. Он на комбинате сталелитейщиком работает. Хотела поговорить с Борисом Александровичем.

Все это я сказала на одном выдохе и, кажется, что без подготовки проскакала на лошади, так тяжело мне это все далось.

– Не вижу причинно-следственной связи, – вздергивает она бровь и мне тут же хочется разреветься, как маленькой девочке. Потому что я тоже не вижу связи

во всем, что произошло. Потому что не знаю, как все объяснить этой мраморной статуе непонятного возраста, потому что... Потому что на ней тоже серое платье, но кажется, что еще вчера в нем щеголяла манекенщица, а мое куплено у заезжих барахольщиков. А ее волосы в отличие от моих блестят.

Поджимаю губы, чтобы не натворить глупостей и из-за обиды не выкрикнуть чего-то вроде:

«А Борис Александрович видел меня обнаженной и купался со мной в ночном озере. А чем можешь похвастаться ты, мымра?»

В этот момент мои неприличные мысли перебивает бас за дверью. Я тут же подбираюсь, словно собака. Словно готова завилять хвостиком, слушая отборный мат. Судя по всему по селекторной связи.

– Меня не интересует причины, хуйло ты недовыебанное. Меня интересует, что ты сделал для решения этого сранья. Все на сегодня. Завтра в девять.

Бросаю взгляд в окно. Судя по еще только поднимающемуся солнцу, такие совещания не занимают дольше пятнадцати минут. Снова настороженно прислушиваюсь, словно даю себе отсрочку перед побегом. Думаю, статуя именно этого и ждет.

– Мне без разницы! Когда я кормлю собаку, я жду от нее полного послушания. Если собака начинает огрызаться, я вызываю ветеринарную службу. Ты усек? Прокурор?

Упоминание собаки меня сначала даже взбудоражило, а затем испугало. Почему-то вспомнился сон. А вот сами маты не вызвали дискомфорта, хотя я видела, как статуя поморщилась. Просто вокруг меня матерились все, и мне было привычно слышать подобную речь.

Дверь с треском открывается, и на пороге появляется мощная фигура в застегнутой на все пуговицы белой рубашке. Правда она не может сдержать мощи словно вылепленных из глины мышц. Сердце ухает вниз, а между ног что-то грязно стреляет.

– Рината, кофе я жду уже десять долбанных минут! Нина?

Глава 12.

Он хмурится, замечая меня, перебирающую ногами у самого выхода. Осматривает с ног до головы. Ни приветствия, ни вопросов. Только прожигающий шерстяную ткань взгляд. Уже раздевший меня до самой сути, снявший кожу и превративший ее в раскаленный металл. Так мне стало жарко и нечем дышать.

Он отходит на шаг, и я понимаю, что пропускает к себе. В логово зверя. В обитель зла и порока.

И я тут же в него устремляюсь. О смелости или безрассудности такого быстрого поступка я буду размышлять потом. Он останавливает меня бархатным басом. Как ударом обернутого тканью шарика:

– Кофе или чай?

– Чай, – говорю, даже не поднимая головы, замирая на пороге, и чувствую, как меня накрыло тенью его тела и аурой власти, что он источает.

– Что ты там блеешь?

– Чай, – говорю громче и чувствую несильный, но безапелляционный толчок в спину.

– Рината. Быстрее. Кофе мне. Чай Нине.

Проходя в этот огромный, сияющий чистотой и богатством кабинет, я невольно зажмуриваюсь от удовольствия, представляя себе лицо «Ринаты». Но тут же снова себя спрашиваю: а не жена ли она ему?

– Не жена, – слышу в ухо, но, обернувшись, вижу только дверь. А Борис Александрович уже за столом. Уже смотрит на меня, чуть сведя брови, и кивком головы указывает на кресло посетителя.

Показалось? Разве можно так быстро передвигаться, имея такие габариты?

Но я не занимаю его внимание.

Ему звонят снова и снова.

Разница между трелью телефона несколько секунд, в которые мы перебрасываемся взглядами, и я снова увлекаюсь рассматриванием богатой обстановки.

Краем глаза замечаю, как он не положил трубку на аппарат, а бросил рядом.

– Нина, – привлекает он меня бархатной грубостью, и я с трудом, но перевожу взгляд с рассматривания вида за окном на него.

Захлебываюсь непонятными самой себе чувствами.

– Мой день расписан по секундам. Через пять минут мне надо выдвигаться. Так что я жду, что ты сама скажешь причину своего появления.

На мое молчание он чуть наклоняется над столом и поворачивает голову, заглядывая мне в глаза.

– Или ты предпочитаешь, чтобы я сам сказал?

Моя нервная полуулыбка – кивок заставили его откинуться в кресле и даже взглянуть на чай, к которому я так и не притронулась. Боюсь, дрожащие руки не дадут мне сделать и глотка.

– Тебе еще рано благодарить меня так, как ты себе придумала.

Я раскрываю глаза от удивления. Он так точно меня понимает, что становится страшно. Сглатываю.

– Что значит рано? – говорю охрипшим голосом.

– Боюсь, учить тебя прямо сейчас сосать у меня времени нет. А потуги вчерашней школьницы меня вряд ли устроят.

– Я не для этого пришла! – вскакиваю резко. Становится неприятно смотреть в это бесчувственное лицо. В эту морду, как сказал бы отец. Да как у него вообще язык повернулся сказать такое? Кто он такой?!

– А у тебя есть другая возможность отплатить мне за лишение на восемь лет свободы?

Карточный домик, построенный на собственных фантазиях и глупости, в миг рушится, и я отворачиваюсь, чтобы смахнуть чуть выступившие слезы. Каков подлец, а?! Я к нему с благодарностью, с трепетным даром «Спасибо», а он выставил меня на уровень проститутки.

На мои слезы и дрожащие губы он ничего не говорит, только берет со спинки стула свой пиджак и в пару шагов подходит ко мне.

Нависает. Давит. Буквально бьет в нос своим запахом, что был так близко в ту ночь в машине.

– Неужели вы каждую шлюху спасаете от тюрьмы, прежде чем трахнуть? – говорю очень смело, но тело готово растечься в ногах, как желе. Дрожать под настойчивым, безмолвным приказом поднять голову.

Когда я качаю головой, давая понять, что не одна из его собак и на команды не откликаюсь, он жестко хватает мое лицо двумя пальцами, сдавливает щеки и вынуждает задрать голову. Господи, какой же он огромный. Вблизи почти животное. Монстр.

– Следи за языком, Нина. От тебя я не хочу слышать ругательств.

– А мне наплевать, чего вы хотите, а чего нет. Я не собираюсь учиться минуте! – шиплю, хочу отвернуть голову, но рука не дает даже пошевелиться.

– А ничего другого ты пока предложить мне не можешь.

Его слова, как ушат с ледяной водой. Я задыхаюсь, словно тело поливают и поливают. Ничего. Ничего из себя не представляешь, Нина. Такое же мнение у его секретарши.

– Я не собираюсь...

Большой палец вдруг касается моих губ, сбивая мою, достойную профсоюзного собрания, речь, мнет их, заставляя рот открыться. Пускает по телу двухсот двадцати вольтовой ток. При этом выражение лица не меняется ни на грамм, только взгляд. Кажется, зрачок полностью заполнил серебристую радужку.

Палец оказывается на языке и пробирается дальше. И меня почти гипнотизирует его натиск, его солоноватый вкус кожи. Его взгляд. Магнат делает движение пальцем в моем рту, заставляя имитировать тот самый минет, потом размазывает влагу по губам и резко отстраняется. Чеканит шаги к выходу.

– Зачем вы меня спасли?! – все-таки срываюсь на обиженный вскрик.

– Никогда не повышай на меня голоса, Нина, – говорит он, не поворачивая головы, а затем все-таки отвечает. Словно бьет хлыстом по лицу. – Не мог же я позволить своей будущей жене сидеть в тюрьме.

Так и оставляет с ответом на один вопрос. И кучей новых. Одну.

Глава 13.

Тело, как застывший металл. Многотонный. Не поднять, не передвинуть. Только и остается, что хлопать глазами и возмущенно дышать. Сердце в груди, как птичка в клетке.

Только никто не видит моей реакции. Всем наплевать. Особенно ему. Плюнул фразой и по делам отправился. А мне теперь мучайся от неизвестности. Имел ли он в виду то, что сказал? Или просто пошутил? И как мне теперь жить, зная такое?

А главное, почему он даже не спросил, хочу ли я замуж? Хочу ли я замуж за него.

А самое главное, зачем такому человеку, как он, такая, как я?

Эти мысли занимали мою голову почти все время, предшествующее поездке на учебу. Каждый день, двух месяцев. И потом... Пока я собирала вещи. Пока родители слезно провожали меня на поезд. Пока состав стучал по рельсам. Пока я слушала старенькую попутчицу и смотрела, как один климат сменяет другой, как поля чередуются с лесными зонами, как солнце золотило водную гладь рек, словно поливая жидким золотом. Как плавно перетекает одна область в другую. Я ехала в Москву. И все время мне казалось, что за мной наблюдают.

Возможно, как раз после слов, брошенных так легко магнатом. Теперь они мечом дамокловым висят надо мной, не давая окунуться в студенческую жизнь.

Но Женю, а именно она встретила меня на вокзале, не устраивала моя апатия.

– Ты чего как неживая? Мы в Москве! – восклицает она и разом вываливает мой чемодан на мою же кровать. – Надо срочно ее покорять!!!

Она, кстати, могла бы жить в собственной квартире, но решила познать романтику общаги. Блажь богатых, как сказал бы мой отец. А что бы на это сказал Борис Александрович? А почему меня должно волновать, что он скажет?

Помотав головой, я снова пытаюсь сосредоточиться на Наполеоновских планах, что строит Женя. Удивительно, как быстро она сменила траур на вечно праздничное настроение. Еще удивительнее, что во всей общаге нам нашли такую большую и светлую комнату. Судя по фоткам в инстаграме студентов, что учатся здесь курсами старше, остальные комнаты давно жаждут ремонта. А наша прям свежая. С хорошими кроватями и дубовым письменным столом.

Я с укором смотрю на него, потом на Женю.

– Ну что, – пожимает она плечами. – Не могу же я спать на раскладушке в комнате советского типа.

– Ты же хотела романтики? Общажной, – смеюсь я с нее и начинаю раскладывать вещи.

– О, не волнуйся, романтики у меня будет хоть отбавляй.

– Назло Коле? – смотрю на нее через плечо, пока она хмыкает, впериваясь в экран, и откидывает телефон в сторону.

– И ему тоже. Он же мне тут обещал, что разведется. Но его свиноматка снова понесла. Вот точно специально.

– Я не думаю, что рождение ребенка можно запланировать, – сажусь я рядом с расстроенной подругой и кладу ей голову на плечо. Мысли о беременности тут же как пером касаются мыслей о Борисе Александровиче.

А его слова о замужестве предполагали детей? А если да, то сколько? Он собирается как-то действовать или просто поставит перед фактом. Вопросы перед глазами уже мелькали, как искры фейерверка в день нашего славного города. По которому, надо сказать, я уже безумно скучаю.

Москва шумная. Москва многолюдная, и первый раз выйдя из поезда и окунувшись в какофонию разных голосов и языков, мне хотелось плакать. Кричать. Топать ногами и проситься назад. В комфорт и спокойствие. Домой.

– Девочки, давайте знакомиться.

К нам в комнату без стука и приветствия входят несколько парней и девчонок. Мне кажется, что их привело любопытство в отношении нового ремонта, Женя же наверняка думает, что ребят привлек ее блеск. Она действительно напоминает мне игрушку на витрине. Всегда с улыбкой, всегда стильно одета, всегда идеально причесана. Парни любят ее за легкий нрав и полную доступность. Вот и сейчас она явно выбрала объект для флирта и уже смеется над его плоской шуткой, закинув голову назад.

– Ну тащите, что у вас есть. Будем отмечать наше заселение. Нин, ты как? – спрашивает она, но я прекрасно понимаю, что все уже решено, и ближайшие пару часов мне лучше не появляться.

– Я только за, – показываю палец вверх, и пока все располагаются, достают алкоголь, протискиваюсь на выход. В дверях задеваю того самого рослого, объектом которого выбрала Женя, правда уже была увлечена другим. Столкнувшись с тем парнем, я бросаю взгляд на комнату и вижу, как одна из девушек уже сняла футболку. Спешу на выход и решаю строго поговорить с Женей. Потом, конечно. Потому что она-то может и не учиться, а мне вот образование очень важно. Сомневаюсь, что Магнат говорил всерьез про брак. Подвести родителей, что копили на мою учебу, залезли в кредиты, я не могу.

– А ты рыжая что ли? – вижу того самого парня, что плюхается рядом со мной и делает обильный глоток из бутылки. – Там подружка твоя во всю развлекается.

– Ну и пусть. Меня это ни к чему не обязывает, – чуть задираю подбородок и продолжаю читать «Основы экономики».

Слышу устойчивый запах виски рядом с собой и морщусь. Отец пил всю жизнь, что я его помню. И я еще в детстве решила, что никогда не стану заводить отношения с пьющими.

– Такая правильная? – смеется он, выкидывает бутылку в урну, что к вечеру уже забиты, и поворачивается ко мне. Долго смотрит и вдруг задевает плечо рукой, что оказывается на спинке скамейки, которую я заняла во дворе общаги. – Или цену набиваешь?

Он симпатичный, но наглая морда все портит. А то, что он даже сидя выглядит подавляюще, напрягает.

– Я обычная, – отодвигаюсь и стараюсь не смотреть на парня. Понятия не имею, что ему от меня нужно.

– Целка поди еще? – спрашивает он, и бесцеремонно кладет мне руку на колено. Я хоть и в брюках, но мне неприятно. По коже ползут мерзкие мурашки страха, словно я сижу и смотрю триллер с кровью и изнасилованиями.

Поднимаюсь резко и встаю в позу, руки в бока, брови домиком.

– Что вам нужно?!

– Да хотел посмотреть в глаза той, кому проплатили бюджетное место, которое по праву должен занимать я!

Глава 14.

Выражение лица парня пугает. Из красивого оно вдруг превращается в хищное. Дикое. Разгневанное. Я невольно отшагиваю назад. Знаю, что от животных в неизвестных местах лучше держаться подальше.

– Вы ошибаетесь. Я поступила на коммерцию. Мой отец взял кредит, чтобы заплатить за первый год.

Парень смеется. Закидывает голову назад и мелькает белоснежными зубами. А мне становится еще страшнее, потому что этот смех кажется рыком. А улыбка оскалом зверя.

– Очень правдоподобно, – гогочет он, но я слышу это уже за спиной, потому что подхватываю сумку и убегаю. Внутрь здания. Поднимаюсь на самый последний этаж удивительно быстро. Перепрыгиваю через две ступени и оказываюсь на балконе девятого этажа. Запираю щеколду пластиковой двери и, часто дыша, отхожу к парапету. Скольжу спиной вниз, прижимаю колени к груди и достаю из сумки телефон. Я точно знаю, что отец заплатил за учебу. Вот прям точно. Вместе ведь в наш банк ходили. Один единственный в городе. Цифры счета сверяли три раза. Надо разобраться. Потому что мне совсем не хочется наживать себе врагов еще до начала учебы. Тем более в мужском лице.

– Папа, – восстанавливаю дыхание, когда после трех гудков слышу приветливый голос навеселе. – Папа, привет. Не мешаю?

– Да как моя дочурка может мне мешать. Гоша! Нинка из столицы звонит!

– Дай сюда, – отбирает трубку мама. – Нинуль, вечер уже... Что случилось?

Хмурюсь и смотрю на солнце, что еще высоко стоит в небе и отражается в пластиковой белой двери. Потом только вспоминаю, что с теперь у меня с родителями разница в четыре часа. У них уже десять.

– Мама, – сразу к делу лучше перейти, а то начнется череда вопросов. – Вы заплатили за учебу? Я же на коммерции?

– А-а, – восклицает она, потом что-то шепчет отцу. На заднем фоне слышны звон стекла и любимый в городе шансон. – Мы совсем забыли тебе сказать. Директор комбината дал на тебя и еще нескольких студентов бюджетные места в МГУ. Именно на финансовом факультете. Представляешь, как здорово?!

Перед глазами всколыхнулось пламя. Стало жечь в груди. Не может быть. Я просто не верю!

– Каким, к черту, студентам? – сразу напрягаясь я и кричу. – Что за чушь?!

– Ты на мать не ори, – сразу слышу жесткий тон и вздыхаю. – Мне-то какое дело? Главное, платить не надо. Представляешь лица работников банка, когда мы пришли вернуть их кредит?

– Представляю, – трубку кладу на автомате. Потому что руки трясутся, а по щекам уже текут слезы.

Я ведь радоваться должна, а получается плачу. Потому что, кажется, я снова обязана этому пресловутому директору, и удавка долга на шее становится теснее. Как будто я снова во сне, снова собачка, а магнат стоит и тянет за ошейник. Душит. Свободы лишает окончательно. В кандалы заковывает.

Хочется отказаться, крикнуть в стальное лицо, что мне не нужны его подачки. Что мне вообще от него ничего не нужно! Замуж я за него не собираюсь! Мне вообще только восемнадцать и рано об этом думать! Обо всем рано. Но смысл в том, что теперь я на пять лет в ловушке. В долговой яме. Выхода нет. Сколько не карабкайся наверх, руку помощи никто не протянет. Остается что? Только смириться. Поднять высоко голову. И получить красный диплом, который уже прямо сейчас хочется всунуть в безэмоциональную рожу магната. Поднимаюсь на онемевших ногах и опираюсь на поручень, смотрю сквозь слезы на раскинувшийся океаном город. Такой же страшный и кишащий неизведанными

тварями. Чуть нырнуть глубже и лишишься воздуха. Даже иногда вот так. Ничего не зная об этом.

Прикрываю глаза и сжимаю пальцами поручни, чувствую, как руки немеют, как стягиваются узлом внутренности. От обиды. От боли. От неизвестности.

Решаю для себя, что нужно учиться. Хватит думать о посторонних вещах. О нем.

Именно с этой мыслью открываю двери и натыкаюсь на насмешливый взгляд того самого обвинителя. Сейчас он уже не кажется мне симпатичным. Просто парень, каких тысячи. И что теперь, каждого бояться? Зачем он пошел за мной? Еще и подслушал?

Разговаривать не хочется, оправдываться еще меньше. Да и что я ему скажу? Сумасшедший стальной магнат выбрал меня себе в жены и оплатил учебу, цена которой квартира в Усть-Горске?

Он вызовет дурку или просто сбросит меня с девятого этажа.

– Я все слышал, – говорит он, странно растягивая звуки гласных и покачиваясь на каблуках черных ботинок.

На его слова я реагирую невежливо. Просто прохожу мимо и бегом спускаюсь по лестнице. Добираюсь до своей спальни и слышу за дверью приглашенный хор стонов.

Открывать даже не собираюсь. Сразу иду к коменде и прошу другую комнату. Понимаю, что это своего рода предательство. Но и пережить, когда закончится очередная оргия, желания нуль.

Комнату мне дают с девочкой Жанной, что попала в вуз по обмену из Франции. Языка она толком не знает, что очень сильно облегчает наше общение. Сводит его к нулю. И самое главное не мешает мне штудировать учебную литературу. Не мешает и сама комната, которая умоляет о ремонте. Но мне так привычнее, чем в пентхаусе, что организовала для себя Женя. Она, кстати, как будто и не обиделась, просто занялась раскручиванием очередного парня на бабки. А я занялась учебой. Что оказалось удивительно интересным. Не думала, что,

например, финансовая история нашей страны может быть столь занимательной. Особенно, когда вокруг кроме книг ничего не остается. В какой-то момент понимаю, что переборщила. Сажу в библиотеке две недели спустя.

Глава 15.

Просто сажу вдали от всех и пытаюсь читать. А голова кружится. И строчки уже превратились в сплошную кляксу.

Все плывет, и, кажется, сейчас здание тронется с места. Отправится в плавание.

Держусь за стол из последних сил, но учитывая, что последний прием пищи был вчера утром, их все меньше. Настолько, что комната начинает мигом растворяться перед глазами, а тело почему-то поднимают вверх.

Что происходит? Почему мне так плохо?

Глаза закрываются сами собой. И я плыву по лабиринтам сознания, то открывая глаза, то закрывая. Но не понимая, где нахожусь, а главное, почему отчетливо слышу древесный запах одеколона. Того самого, что уже впитался в меня с образом магната. Моего стального магната.

– Нина, – слышу его металлический тон и мигом всплываю. На самый верх сознания. Тут же натываясь взглядом на настоящую акулу. – Если ты не будешь питаться, спать будешь под капельницей.

Он стоял у самой постели. Смотрел на меня, но как будто видел пустое место. Просто девочку, на которую потратил кучу бабла. Которая забыла о себе, чтобы доказать ему, что он сделал это не зря.

– Ты услышала меня? – даже не шелохнулся он, чуть сведя брови. Широкие, густые брови. И ресницы у него девчачьи. У меня простые. Я вообще обычная. Так почему я лежу, судя по обстановке, в дорожной клинике и смотрю на одного из самых богатых и влиятельных людей в русском бизнесе. Я уже не раз натывалась на его фамилию. Пишут, что именно благодаря его комбинату остальные держатся на плаву.

– Что вам до моего режима питания? – спрашиваю тихо, хотя хочется кричать. Орать в его лицо, что не выражает и тени мысли. Сволочь. Железный человек. Интересно. Если прямо сейчас вскочить и накинуться на него с поцелуями, он останется столь же безучастным?

Что за мысли?

– Я предпочитаю трахать женщин, а не кости, – говорит он и поворачивается к двери, но этого стерпеть я не могу. Откидываю легкое одеяло, вскакиваю, чуть не падаю, но удерживаюсь рукой за койку. Единственную в светлом помещении.

– Я не собираюсь с вами трахаться! И замуж я за вас тоже не собираюсь! – кричу ему в прямую, как палка спину, что скрывают белоснежная рубашка и темный пиджак. В груди жжет клеймо обида. На что – я пока не хочу разбираться. Но такое отношение мне претит. Просто противно. Он снова спасает меня от голодного обморока, чтобы сказать, что все, что его волнует, это чтобы моя грудь оставалась прежнего размера. Так может ему куклу сделать по моему подобию.

Борис Александрович останавливается, поворачивает голову и опалает меня хладнокровным взглядом.

– Твое мнение здесь вряд ли уместно.

– Возьмете меня силой?! – смеюсь я уже на грани истерики. – Вам ведь это ничего не стоит. Сначала комбинат, теперь я. Ну, что же вы ждете.

Скидываю сорочку и остаюсь под его взглядом девственно обнаженной.

– Давайте прямо сейчас. Я же должна отработать свои долги. Честь. Свободу. Образование. Я готова! Ну же!

Магнат даже заинтересовывается моей истерией. Поворачивает голову, потом весь корпус. Пугает меня. Я невольно бросаю взгляд вниз, туда, где четко обрисовывается мужской орган. Каких-то нереальных размеров.

Значит он действительно меня хочет. Но возьмет ли?

Может я зря все это затеяла, может быть стоило сначала подумать. А не стоять перед ним абсолютно голой в ожидании вердикта.

Глава 16.

В его лице так ничего и не меняется, но тело приходит в движение. Стремительно. Удивительно энергично. Почти незаметно. Он приближается ко мне, за плечо разворачивает и утыкает лицом в кровать. Нажимает на поясницу. Сердце заходится от страха, и я сразу вспоминаю то, как он меня окунал в воду снова и снова. Сейчас похожее состояние, словно в ледяную прорубь опустили. И холодно – озноб по коже. И страшно, ведь совершенно неизвестно, что от него ждать.

– Нина, – слышу шипение, и ухо опалает запах ментола. Свежего и, кажется, ядовитого, потому что вместо страха по коже мурашки. – Я, кажется, говорил не повышать на меня голос.

– Я...

– Когда я говорю, твоя задача слушать и молчать. Ясно?

Куда уж яснее, – думаю я, и он сильнее вжимает меня в матрас койки. Гораздо более удобного, чем в моей комнате.

– Нина?

– Ясно.

– И когда я потребую оплату за все, что для тебя сделал, ты вряд ли отделаешься одним разом...

– А сколько, – издаю я писк, и ягодицу мне сжимает тяжелая, удивительно мозолистая рука. Так сильно, словно хочет оторвать кусок мяса.

– Жизнь. Верность. Любовь. На меньшее я не согласен.

Слезы тут же скапливаются в уголках глаз, когда я чувствую, как он прижимается ко мне, как трется. И совершеннейший стыд, когда отпускает. Просто оставляет меня лежать в том же положении и хлопает дверью.

А я поджимаю губы, чтобы не разрыдаться в голос, чтобы не крикнуть пронзительное: «Почему я?! За что мне это?». Я ведь обычная, ничем не примечательная. Откуда внимание такого человека именно в мою сторону?

Стекаю по кровати на пол и обнимаю ноги. Дышать до того тяжело, словно в грудь с размаху воткнули что-то тупое. Вбили с ноги кол в сердце.

Рыцарь. Смешно. И теперь я у него в пожизненном долгу. И оплату телом он не принимает.

Он вообще ничего больше не предпринимает. Не появляется в зоне внимания неделю, вторую, третью, а я все смотрю в окно, на дорогу, на двери университета, где провожу много времени, на выход из столовой, где выполняю его поручение и загружаю желудок, не чувствуя вкуса... Смотрю, жду, надеюсь и все бесполезно.

Глава 17.

Его нет. Но не думайте, что я влюблена, или мои настроения романтичны, просто я хочу высказать ему в лицо, что не собираюсь ничего отрабатывать, что я ничего у него не просила.

Мне ничего от него не нужно!

Не только выскажу, но и плюну, чтобы не думал, что он может решать человеческие судьбы. Подонок!

– Судя по воинственному виду, ты готова убить любого, кто появится на твоём пути.

Не отказалась бы... Стой, не поняла.

– Что вам нужно? – смотрю на светловолосого парня с заразной улыбкой и полной велосипедной амуниции. Того самого, что погнал меня на балкон несколько недель назад. Того самого, из-за которого я поняла, что снова в долгу у магната. Как же его...

– Виталик Ремезов, – представляется он, протягивая руку. Словно мысли прочитал. Хмурюсь и не хочу его касаться. Он на это только ухмыляется и проводит по своей густой шевелюре. Что он хочет от меня? – Слушай, я знаю, я наехал на тебя, и ты труханула.

– Я тебя не боюсь, – задираю я подбородок и прикладываю книги к груди. Закрываюсь, как щитом.

– Ну, конечно, конечно, – отходит он на шаг и протягивает книгу, что я потеряла буквально вчера. – Твое?

– Где ты нашел ее? – радуюсь я. Все-таки книга библиотечная. Только протягиваю руку, как Виталик отводит ее. Книгу поднимает над головой. – Ремезов, отдай.

– Если поможешь мне с экономической историей.

Хочется закатить глаза. Неужели мужчины не умеют просто просить? Обязательно нужны какие-то условия.

– А ты не пробовал просто попросить?

– Ну... Если честно, я боялся, что ты мне откажешь, – было забавно смотреть на его моську, словно провинившегося щенка.

– Ну после того, как я на тебя наехал. Я потом понял, что debil. Простишь меня?

Он вновь протягивает книгу, и я уже без проблем ее беру и ловлю себя на мысли, что не думаю о магнате уже некоторое время. А такое бывает редко. И может быть поэтому, а может, потому что мне просто одиноко, я соглашаюсь ему помочь. Иду с ним сначала в библиотеку, после нее в кафе и даже даю проводить себя до комнаты.

– Я рад, что ты перестала общаться с Женей. Слышала бы ты, какие слухи о ней ходят, – стоит он возле моей двери и внимательно следит за реакцией на его слова. А я смотрю на его красивое лицо и думаю, а что все-таки ему от меня нужно? Судя по тем же слухам, что в нашем университете распространяются, как пожар в сухом лесу, он весьма блядоват. И ту же Женю пробовал не раз. И не два. Как она сама говорит.

– Я не перестану с ней общаться, даже если она начнет брать деньги за свои услуги, – складываю я руки на груди. Вот нравятся мне такие люди. Сами далеко не святые, но очень любят пообсуждать других. В своем глазу и бревна не видно.

– Вот так? Дружба детства значит, – чуть усмехается он и вдруг наклоняется вплотную ко мне, приходится к двери прижаться. – А ты в курсе, что она о тебе говорит?

Хмурюсь, не понимаю, зачем ему мне о таком врать. Да и что такого Женя может обо мне сказать? Что я приехала из сибирского городка? Что мой отец рабочий завода? Что меня хочет в жены Распутин. Так, о последнем она точно не знает.

– В курсе, – не стала я тешить его желание похвалиться сплетней. – А ты, прежде чем что-то кому-то рассказывать, убедись, что ему это интересно.

Поворачиваюсь к двери и чувствую на локте чужое касание пальцев.
Поворачиваю голову.

– Ну что еще?

– Ты мне нравишься, – говорит он, лихо целует в щеку и уходит, как ни в чем не бывало.

Ну что за странный тип? Ему отповедь читаешь, а он в симпатии признается.

Захожу в комнату и погружаюсь в тишину. Моя соседка не воспринимает никакой музыки. У нее настолько острый слух, что мне пришлось отвыкнуть даже от наушников.

Поэтому я захожу сюда только спать. Без посторонних звуков мысли плотным туманом накрывают сознание и заставляют прокручивать моменты с магнатом на репите. Это утомляет. Хочется не думать о нем. Хочется и Андрея забыть. Только вот одно завязано на другом, так что голова начинает нещадно болеть. А вопросы крутятся бесконечным вихрем.

Кто же убил Андрея? Родители сказали, что следствие в итоге прикрыли. И почему, чем больше я думаю о долге магнату, тем больше понимаю, что без него в городе не могло совершиться ни одно преступление.

Интересно, а что там Женя про меня рассказывает? А главное – зачем?

Осознавая, что вопросы о смерти бывшего возлюбленного так и останутся без ответа, я решаю сходить к подруге. Если она еще подруга. Так голова хотя бы на половину разгрузится от той тяжести, что вызывает мигрень.

Когда подхожу к комнате Жени, то останавливаюсь за углом, потому что слышу Виталика и, собственно, саму подругу:

– Неужели не зайдешь напоследок? – тянет гласные Женя и становится неприятно. Особенно после того, как слышу слова парня.

– Зачем мне поношенная вещь, когда уже почти поимел новую.

– Это ты про Нинку? – смеется Женя. – Она брату не дала. За полтора года. Над ним весь город смеялся. Ты-то чем лучше?

– Твоя Нинка уже в моих руках, мне остался последний шажок и окажусь в ее белых трусиках.

Глава 18.

Дожидаюсь, когда этот самоуверенный придурок уйдет. Тут же иду и стучусь в дверь Жени. Она открывает, смотрит по сторонам. Потом, чуть нахмутив идеально отрисованные брови, поворачивается ко мне.

– Все слышала?

– Все, что нужно, – протискиваюсь мимо нее и чувствую стойкий запах чего-то неприятно сладкого. Открываю единственное пластиковое окно во всей общаге, чтобы хоть воздуха впустить в этот срач. – Жень, вот объясни мне, я что, выгляжу так, что все считают, что за меня могут решать? Мое мнение хоть кого-то интересует?

– Ты же выглядишь, как девственница. Вся такая невинная, что иногда тошно, – пожимает она плечами и плюхается рядом, затягивается сигаретой. Отравляет посвежевший воздух никотином. Мне сразу вспоминается Борис Александрович. Только у него никотин другой. Более приятный, мягкий. Или меня уже кроет? Не мог же он мне понравиться? Я видела-то его всего три раза. Или мог? Не-ет. Бред.

Подскакиваю. Схожу с ума. Надо с этим заканчивать. Но как скрыться от того, кто может за пару часов перелететь через всю страну и даже уложить меня в больницу. Проконтролировать, сколько я ем и какое у меня давление.

Это полный неадекват.

– Ты чего ноешь-то? Классно же, когда тебя мужики хотят, – врывается в мысли хриплый голос, и я смотрю на Женю. Ей классно. Не мне.

– Мне это не нужно. Мне не нравится вот это все, – обвожу рукой комнату, имея ввиду страсть и, собственно... Секс. Сестра в свое время любила рассказать всякого. И меня откровенно тошнит от ее загулов. Боюсь представить, чем она занимается в Европе. Она уехала, а я сошлась с блядоватой Женей. Скучаю по сестре?

Я просто хочу учиться и хоть немного оправдать ожидания родителей. Вернее – это раньше. А сейчас получается, что оправдать траты магната?

– Ну если ты будешь воротить нос, мужиков это будет привлекать сильнее. Ты же помнишь, что Пушкин писал?

Чем меньше женщину мы любим...

– А что тогда делать?

– Заимей себе такого же как Андрей, – предлагает она, а мне ничего не остается, только как хлопать глазами. Серьезно? – Просто динамь его как можно дольше.

– А где же мне такого взять? – поднимаю я брови. Такое ощущение, что у меня на лбу написано: готова к сексу.

А я не готова.

– Ну а Ремезов чем плох? И не надо такое лицо делать. Пусть думает, что ты ему дашь. А ты его опрокидывай. Дразни.

– У тебя такое выражение, словно ты ему отомстить хочешь.

– Не без этого. Нет ничего хуже неутоленного желания. Он променял меня на призрачную мечту о тебе. И я рада, что ты не собираешься ее исполнять.

После разговора с Женей я вернулась в свою комнату, быстро просмотрела, все ли я сделала на завтра, и наконец решила поразмышлять. Обо всем. И, конечно, первое место заняли желания мужчин. Разные, но не имеющие ничего общего с моими.

А потом на ум пришла идея Жени. Дикая. Неправильная. Но порой, чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать.

Я начала думать, а кто из жаждущих контролировать мою жизнь мужчин безопаснее. Ясно же, что, когда я одна, магнат будет уверен, что готовлю себя ему на съедение.

Никак иначе я наш брак не представляю.

Он же задавит меня, если ляжет сверху. Да и просто. Задавит. Не даст дышать. Развиваться. Жить так, как мне нравится. Подстроит под себя. О чем мне с ним говорить? Как вообще вести себя в его присутствии. Раболепствовать? Стоять на коленях. Вилить хвостом, как Моська из сна?

А Виталик.

Он, конечно, козел. Бесспорно. Но у него нет на меня рычагов давления. Его, если что, легко послать. Только надо убедиться, что он не связан с сомнительными компаниями и не пользуется наркотиками. На всякий случай.

Что и делаю. Все выясняю. Очень аккуратно, а потом на следующий же день решительно подхожу к нему. Прошу прервать мужской, на грани гогота, разговор. И уделить мне время. Приятно, что он не стал сопротивляться.

Пошел со мной в кафе и внимательно смотрел, пока я набиралась смелости, помешивая сахар в кофе. И справлялась со стыдом. Ведь, по сути, я собираюсь его использовать.

– Нина...

– Я все слышала, вчера, – сразу начинаю говорить. – Ты собрался уложить меня в постель. Для этого даже расстался с Женей. Меня при этом спросить забыл.

Глава 19.

Сказать, что я его удивила, ничего не сказать. Выражение его лица было дико комичным. Отвисшая челюсть. Очень похоже на рожицу, что улыбалась посетителям с красной стены. Очень яркое кафе, мне не нравится. Но... Здесь просто нереально вкусный кофе. Сочный, не слишком сладкий, очень горячий. Ради него можно потерпеть рябь в глазах.

– Так, допустим, – расслабляется он, когда видит, что истерики насчет поруганной чести и достоинства не будет. И в суд на него никто подавать не собирается. Откидывается на стуле и тоже делает глоток кофе. Морщится. – Хотя, наши потрахушки с твоей подружкой сложно назвать отношениями.

– Это меня не касается.

– А зачем тогда мы здесь? Почему ты не рыдаешь в подушку?

Отрыдала, когда Андрей предал меня. Отрыдала, когда рыцарь в стальных доспехах оказался форменным бандитом.

– Хочу тебя спросить, насколько серьезны твои намерения? И я сейчас не о браке.

– Если под намерениями ты подразумеваешь секс, то я очень серьезно.

– А как насчет попробовать те самые отношения?

Он смеется, но увидев, что я серьезно, откашливается.

– За ручку будем ходить?

– Общаться, гулять, встречаться иногда... – это будет даваться мне с трудом, но чего не сделаешь ради мнимой свободы. Зачем я буду нужна магнату, если мной уже попользуются? Типа... – Целоваться.

– А секс?

– Все будет зависеть от тебя.

– Ты хоть понимаешь, что я могу заполучить любую девчонку? Зачем мне какая-то сибирская замухрышка, – злится он и наклоняется над столом как башня. Что ж они все такие высокие? Каблуки что ли начать носить?

– Но именно мои белые, – поднимаю брови, – трусики тебя заинтересовали. Впрочем, я ведь не вынуждаю. Пистолет к голове не прикладываю.

Поднимаюсь после того, как допила последний глоток и направляюсь к выходу.

Отказался. Да и глупая была затея. Не ложиться же мне под него, только чтобы не лечь под магната. Надо просто подумать, как отдать долг. Можно, например, начать работать. Да хотя бы в том ярком кафе. Боюсь представить, сколько чашек кофе мне надо продать, чтобы заработать на двушку.

Уже в сумерках подхожу к общежитию и вижу у входа машину. Недорогую, но очень приличную. Кажется, лада калина. Из нее выходит Виталик. Да ладно, с цветами? Неужели даже эфемерное обещание секса могло сработать?

– Это, конечно, против моих правил, но почему бы и нет? – протягивает он мне букет белых лилий и кивает на машину. – Прокатимся?

Не так быстро, ковбой.

Забираю букет, обнимаю нового «парня» и мягко улыбаюсь.

– Я очень устала, не привыкла делать парням такие предложения.

– И не привыкай, – смеется он и переплетает пальцы, а мне становится не по себе. Есть ощущение, что я делаю что-то неправильное. Нехорошее. А в спину кто-то светит лазером снайпера, готовый в любой момент выстрелить.

Ерунда.

Как говорит папа: все за «Сибирскую корону».

Глава 20.

Проблем с наркотиками у Виталика, действительно, не было. Но выпить он любил. А когда пил, ставил своей целью свести меня с ума. Ухаживаниями.

Розы. Песни под окном. Плакаты. Он очень старался, ходил за мной за ручку, помогал нести учебники, сидел за одной партой на занятиях. И, конечно, лез со страшной силой.

Мне стоило огромных трудов держать его руки подальше от себя. На что Женя только посмеивалась, часто дразнила его, что он пытается влезть без страховки на отвесную скалу.

Но он был настойчив, обаятелен и через месяц я разрешила себя поцеловать. Целый месяц, в который я старалась не думать о магнате, а сосредоточиться на учебе и парне, который уже минуту зачем-то вылизывает мне ухо. Прямо в

библиотеке университета.

– Может хватит, – отталкиваю я его, хмурюсь и возвращаюсь к чтению книги. – Нашел, где этим заниматься...

– А тебе нигде не место, – шипит он мне на ухо и вскакивает. Да понятно, устал ждать. Но и я ведь ничего конкретного не обещала, только встречаться. – Я уже думаю, не фригидная ли ты? Это, знаешь, как бы не честно.

Глубокий вдох. Выдох. Можно прямо сейчас все закончить, а можно извиниться и что-то пообещать, только вот что...

– Просто... Здесь библиотека. Я подумала, что в каком-нибудь уединенном кафе нам будет комфортнее, – предлагаю я и вяло улыбаюсь. Если честно, последнее, что мне хочется сделать, это куда-то идти. Постоянная учеба, недосыпы, встречи с Виталиком. Все это отнимает силы настолько, что забываю поесть. Но не хватало снова загреметь в больницу, под надзор «хозяина».

Лучше потерплю влажные ласки Виталика и поем нормально. В любимом кафе.

Лоб бойфренда, как со смехом его называет Женька, разглаживается, лицо озаряет улыбка.

– Отличный план, – сам собирает мои вещи и пихает в сумку. Тогда как я трачу добрых пять минут, чтобы сложить все красиво и при этом не порвать ветхую вещь. Любимую, так как хожу с ней уже пятый год. Серая с кучей брелоков и брошек. Как и я. Серая. – Только не в то говно, что ты водишь меня обычно.

И чем оно плохо? Нормальное кафе. Стоит ли тащиться через несколько центральных улиц, чтобы попасть в это... Ну... впрочем, здесь мне нравится.

Каждый столик скрыт полупрозрачными занавесками. И нет ощущения оркестра, все разговаривают тихо, а в воздухе витает приятный запах кальянного дурмана.

Сразу стреляет в голову и снова напоминает магната. Как он курил у стены и смотрел прямо на меня. В душу заглядывал. Сердце вырывал. В сны мои проник

своим голосом, своими руками, что сжимали каждый раз горло. Душили, до слез доводили.

От кальяна я отказалась, дыма здесь для пассивного курения хватает и так, а вот на ласки Виталия пришлось ответить. Чуть поддаться к нему, подставить ухо и стараться не морщиться, когда он обводил раковину языком.

Когда Виталик предложил пойти к нему, я замерла и понимала, что нужно согласиться. Ведь таков был план. Сделать вид, что я по-настоящему с ним встречаюсь. Даже сплю. Но одно дело сделать вид, другое пойти и отдаться ему по-настоящему. Не то, чтобы он мне не нравился. Он красавец, атлет, перспективный молодой человек.

Просто меня к нему не тянуло, вот даже когда мозг поплыл, а тело после коктейля расслабилось. Тогда как возле магната казалось, что меня загипнотизировали. Его аурой силы. Его мужественностью и острым запахом тестостерона, смешанного с чем-то мятным, освежающим.

– Мне нужно выйти, – поднимаюсь я резко и бросаюсь в туалет. Там умываю лицо и смотрю на себя в зеркало.

Блин, ну я же простая. Вот реально обычная. Это вот сестра моя красавица. А я....

Но он сказал, что я стану его женой. Когда? А главное, почему я не могу даже поцеловать другого парня без мысли, что изменяю. Ведь я ничего не обещала. Ни-че-го!

Забрызгиваю зеркало водой с рук и поворачиваюсь к выходу. Замираю, когда вижу Женю.

– Сюрприз, – смеется она в своей обычной беззаботной манере и подходит близко. – Решилась значит?

Она тоже умывается, подправляет броский макияж, что в свете желтоватых ламп только старит ее молодое лицо.

– Судя по всему, сейчас ты пойдешь к Виталику и сделаешься женщиной.

– Я... – удивлена, что она здесь. Это первое. А вообще... – Я не уверена, что готова. Еще ничего не решила.

– Ну просто квартира Виталика в этом доме. И он всегда приводит сюда девчонок перед тем, как трахнуть. Расслабляет, так скажем.

Хочется съязвить, что ее и расслаблять не надо. Она всегда готова раздвинуть ноги. Перед любым. И чего я злюсь? Надо просто подумать. Еще раз подумать. То, что за мной следят, это однозначно. В те моменты, когда я это замечаю, я с Виталиком особенно нежна. Но не понимает ли Магнат, что все это игра?

Он же не дурак. Значит нужно что-то весомое.

Например, тот самый секс, который хочет Виталик. Но... Но есть одно проклятое... но.

Я не могу этого сделать. Есть определенные обстоятельства в виде долга перед Борисом Александровичем, которые заставляют меня быть ему верной.

По крайней мере, до тех пор, пока он сам не скажет, что я ему не нужна. По крайней мере, пока я сама пойму, что не нужна ему.

– Нет, думаю хватит этого фарса. Не хочу больше использовать Виталика. Нехорошо это...

Женя замирает с помадой у губ и внимательно смотрит на меня. Даже как-то раздраженно. Зло.

– Такая благородная. Тебя саму не тошнит от своего совершенства? – говорит она, бросает помаду в сумку и шествует к двери. – Ты опять все испортила.

– Не поняла?

Успеваю задать вопрос, но ее уже и след простыл, а я стою и реально не могу сообразить, что я могла испортить.

Выхожу за ней и чуть не врезаюсь в мужчину в сером костюме. Почему-то он кажется мне смутно знакомым.

Где я могла его видеть? Лысый, накаченный.

– Простите, – говорю я, но тот даже не замечает меня, осматривает коридор и мужской туалет. Потом и в женский заглядывает.

– Чисто, – говорит он как будто сам себе, но я замечаю наушник. Президент решил покурить кальян?

Прохожу в сторону зала, иду вдоль шторок и хочу повернуть к своему столу, как натыкаюсь взглядом на вход.

В дверь входит несколько человек. И самого высокого не узнать невозможно.

Сердце начинает стучать быстрее, как у пойманной птички. А потом вдруг в него врезается кол размером с фонарный столб.

Потому что Распутин не один. Рядом с ним совершенное создание. Норковая шубка, высокая прическа, высокий каблук. Сглатываю и собираю ноги в поношенных ботинках вместе.

Куча вопросов как комары начинают пить мою кровь, сводить с ума жужжанием. По щекам течь непрошенные слезы. А он... Он даже не замечает меня. Ему кивают куда-то в сторону, и он идет туда, пока на его руке виснет эта девушка – блондинка.

Смотрю по сторонам и только замечаю, насколько все дорого одеты. Почему мы пришли именно сюда?

Глава 21.

Меня качает. Как чертово дерево на ветру.

Вперед. Назад. Вперед. Снова вперед.

Делаю шаг. Другой. Иду к углу, за который завернул Борис Александрович.

Хотя много чести ему называться полным именем. Распутин. Теперь только Распутин.

Месяц назад он говорил, что хочет моей любви, верности, а сегодня собирается развлекаться с какой-то девкой? И снова вопрос, «зачем я ему», светится в мозгу неоновой вывеской.

Перед моим носом возникает дверь, но я прикасаюсь рукой к прохладной древесине. Может быть хоть она остудит огонь, что полыхает в мозгу и готов спалить дотла все мои чувства.

Чувства. А зачем они вообще возникли? Как они возникли? И главное, что это за чувства?

Рядом появляется мужчина в сером костюме, и в мозгу тут же возникает картинка. Воспоминание сквозь туман обильных слез. Он был там в ночь моего выпускного. Один из охранников Распутина.

Он специально пришел именно сюда? Ведь не мог же не знать, где я нахожусь, раз постоянно наблюдает.

Что он хочет доказать? Что нравится женщинам? Что ему все можно?

А я?

Отворачиваюсь резко, бегу вниз, взмахом руки открываю шторку.

– Виталик, я освежилась, можем идти.

Он подпрыгивает, чуть не расплескивает пиво изо рта. И когда заказать успел?

– То есть, то есть ты готова? Сейчас, погоди, счет надо попросить, – мечется он, бежит за официантом, а я так и стою, прокручивая фразы Распутина: любить, любить, любить.

Рука Виталия ложится мне на талию, и мы идем к выходу. Глупо притворяться, что я хоть чем-то напоминаю ту красотку, но хотя бы делаю спину ровно и даже позволяю помочь надеть на меня легкий плащ.

Да, мы небогатые, но гордости в нас не занимать. Понял, Распутин!?

Выходим в прохладу позднего вечера. Воздух немного остужает жар обиды и злости. Дышать становится легче. А слезы остаются дорожками.

Виталий даже не замечает моего напряженного состояния, просто тащит куда-то по улице. В арку между домами. Там, лучезарно улыбаясь, показывает на железную, исписанную дверь подъезда.

В центре города всегда так. Снаружи все красиво и так грязно внутри. Это очень напоминает некоторых людей, в которых с красивой оболочкой много дерьма.

Смотрю на счастливого, неприлично радостного Виталика и задумываюсь, а что из себя на самом деле представляет он? Я ведь совсем его не знаю, а все равно иду неизвестно куда.

С другой стороны, хоть кто-то в этот вечер счастлив. Из-за меня. Скоро будет еще счастливее, ведь я отдам ему то, что хранила для любимого.

Только вот любимого больше нет. Никого нет. И меня настоящей больше не существует. Осталась оболочка, в которую вливают еще бокал вина, кормят приторным виноградом и сажают на скрипучий диван.

Виталик садится неприлично близко, что-то привычно шепчет в ухо, активно вылизывает, начинает поглаживать по спине. По прямой, как палка, спине.

Лезет под свитер, а я только смотрю в одну точку на стене с ободранными желтыми обоями. Думаю, что через час другой магнат будет точно так же ласкать красавицу блондинку. Снимать с нее дорогие одежды, накрывать тело и

заставлять стонать.

И ей наверняка будет хорошо.

А мне будет? Нравится ли мне то, что вытворяет Виталик. Как стягивает полосатый свитер, как садится передо мной и цепляется пальцами за пояс брюк.

– Давай, давай, детка, сейчас тебе будет очень хорошо.

Не будет, потому что я ничего не чувствую. От слова совсем. Мне неприятны его касания, и я лучше уйду с учебы, поработаю год и поступлю заново, но не буду отдавать себя нелюбимому человеку. Ради мнимой ревности. Или тем более ради возможности стать свободной от магната.

Я не шлюха! – решила я и хотела встать. Подняться. Оттолкнуть Виталия. Но тот даже не обратил на это внимания. Стал настойчивее сдирать нижнее белье.

– Хватит! Виталик! Мне не нравится! Я передумала! – кричу ему в лицо и трескаю ладонью по голове. В следующий миг щеку обжигает хлесткое касание. Удар, бросивший меня на кровать.

С ума сошел?

– Поздно, Сука! Ты уже здесь. Будь добра раздвинуть ноги и не рыпаться. Я и так на тебя месяц прое*ал.

– Я тебя не заставляла! Ты мог отказаться.

– Закрой рот! Мне бабки нужны! И ты поможешь мне их заработать.

– Остановись! – закричала я, ничего не понимая, но он уже разворачивает меня на живот, наваливается, дергает за волосы и со злым смехом показывает огромный, яркий прожектор, возле которого стояла небольшая камера.

Страх ледяными иглами пронзает все тело. Он собирается заснять мое изнасилование? Зачем?! Зачем?!

– Прекрати! Прекрати! Помогите! – стала дергаться активнее, но Виталик уже тянул трусы.

– Заткнись и улыбайся. Вдруг тебе понравится, и ты станешь порно-актрисой. А..?

Глава 22.

Это конец. Нет ничего хуже, чем ощущать себя полной дурой. Наступить на одни и те же грабли. Снова и снова. Я просто не понимаю, почему до моего «нет» никому нет дела. Никому.

Я просто кукла, которую тянут в разные стороны и вот сейчас хотят проткнуть, пронзить отростком. Сдуть даже оболочку и не оставить ничего. Пустое место. И я уже кричу, не собираюсь сдерживать рыданий, как вдруг комнату сотрясает грохот такой силы, что закладывает уши.

И мой крик утопает в нем, как камень тонет в озере. Стремительно и безвозвратно.

Неужели началась война?

Тело Виталика больше не давит на спину и первое, что я делаю, ощутив свободу, заползаю на диван и подбираю ноги к груди.

В глазах пляшут искры, но вижу около десяти человек в черном и задыхаюсь от облегчения.

Повезло. Господи, спасибо. Спасибо, что ты спас меня и на этот раз. Обещаю, что буду вести себя внимательно и не ходить с непонятными личностями по их квартирам, я вообще собираюсь только учиться. Честно, честно.

Пока слух начинает возвращаться, а Виталика в два счета скручивают на полу голой задницей кверху. Один из мужчин, что на меня не обращали ровно никакого внимания, подходит к камере. Той самой, что чуть не сделала меня порно-звездой, и кидает ее на пол.

– Уроды! – слышу я гнусавый голос Виталика. – Она же кучу бабла стоит.

– Гораздо дороже, чем твоя жизнь.

Этот голос скоро будет сниться мне не только в кошмарах, но и мерещиться в реальности. Кажется, за свое спасение я снова обязана совсем не Богу.

Смотрю, как входит в комнату Распутин и оглядывается, смотрит на Виталика, как червяка и не многим лучше на меня.

Ему тут же подносят флеш-карту с записью. Он роняет ее и давит низким каблуком лакированных ботинок. Все это время прожигая меня недовольным взглядом.

– Вставай и одевайся, – требует он, но я только беспомощно смотрю на свои изорванные вещи и сильнее подбираю ноги, обхватываю их руками.

Хочется уткнуться в стенку, дожидаться, когда все уйдут, и уже тогда найти целые вещи, чтобы одеться. Убежать, спрятаться под одеялом.

Но разве такие люди как магнат считаются с чужими чувствами? Сомневаюсь. Скорее всего, он просто не захочет ждать, когда я приду в себя. Отворачиваю голову, и через мгновение в меня прилетает тяжелая ткань пиджака.

– Завернись и вставай, Нина.

Обращение по имени привлекает мое внимание, и я оборачиваюсь, одной рукой подтягиваю к себе пиджак. Распутин остался в одной белой рубашке, что совсем не скрывала его мощного тела, широких плеч и бычьей шеи.

– Я жду.

Помогать, брать на ручки меня он точно не собирается. Хотя и прекрасно понимает, что произошло. Ну что ж. Ладно. Я выдержу это. Выдержу унижительное мелькание голых участков тела, пока заворачиваюсь в пиджак, и даже косые взгляды омоновцев.

А самое главное тот путь, как по шаткому мосту, что мне надо проделать до стоящего прямо Распутина.

Он разворачивается, как только я приближаюсь на расстояние вытянутой руки. Останавливаюсь на пару мгновений и сразу же устремляюсь за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elena-grom_/devochka-stal-nogo-magnata

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)